

© 2023. Н. В. Трофимова

Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Россия

Работа А. Н. Островского с древнерусскими источниками в двух редакциях драмы «Козьма Захарьич Минин, Сухорук»

Аннотация: Проблема использования древнерусских источников в исторических драмах А. Н. Островского неоднократно ставилась в литературоведении. Однако в работах, посвященных исследованию изменений, внесенных драматургом во вторую редакцию пьесы «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», не содержится выявленных различий в подходе к древнерусским материалам. В предлагаемой статье проведено сопоставление редакций пьесы с точки зрения использования драматургом фактов, образов, стилистических средств, восходящих к русским средневековым памятникам. Анализ текстов привел к выводам о сокращении объема воспроизведенных исторических фактов и количества прямых переложений древнерусских текстов, что вызвало уменьшение последовательности и детальности изложения во второй редакции произведения. Были сняты монологи персонажей, отражавшие религиозные взгляды средневековья, последовательной и завершенной стала любовная линия. В результате во второй редакции на первый план взамен эпохальных событий XVII столетия встали личные судьбы исторических и вымышленных персонажей. Перестановка акцентов изменила жанр пьесы: из «драматической хроники» она превратилась в историческую драму.

Ключевые слова: А. Н. Островский, драматическая хроника, историческая драма, древнерусские источники, редакции пьесы.

Информация об авторе: Нина Владимировна Трофимова, доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9001-8236>

E-mail: nv.trofimova@mpgu.su

Дата поступления статьи в редакцию: 23.05.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 29.06.2023

Дата публикации статьи: 25.09.2023

Для цитирования: Трофимова Н. В. Работа А. Н. Островского с древнерусскими источниками в двух редакциях драмы «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 274–295. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-274-295>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 3, 2023, pp. 274–295. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 3, 2023, pp. 274–295. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Nina V. Trofimova

Moscow Pedagogical State University

Moscow, Russia

A. N. Ostrovsky's Work with Ancient Russian Sources in Two Versions of the Drama "Kozma Zakharyich Minin, Sukhoruk"

Abstract: The problem of Old Russian sources' using in historical dramas by A. N. Ostrovsky has been raised many times in literary studies. However, the works devoted to the study of the changes made in the second version of the play "Kozma Zakharyich Minin, Sukhoruk" did not include an analysis of differences in the approach to ancient Russian materials. The article provides the comparative analysis of playwright versions in terms of the use of facts, images, stylistic means dating back to the Russian medieval monuments. The analysis of the texts led to the conclusions that about the reducing the number of historical facts and of direct arrangements of Old Russian texts, therefore, the sequence and the details of the narration decreased in the second version. The monologues of the characters reflecting the religious views of the Middle Ages were removed, so the ideological and psychological motivation of character's actions became weaker. The love line, nonexistent in the sources, became consistent and complete. The role of some fictional characters associated with the Old Russian tradition has changed. As a result, in the second version the personal destinies of historical and fictional characters came to the fore instead of the epoch-making events of the 17th century. Rearranging of the accents changed the genre of the play: from a "dramatic chronicle" it turned into a historical drama.

Keywords: A. N. Ostrovsky, dramatic chronicle, historical drama, ancient Russian sources, versions of the play.

Information about the author: Nina V. Trofimova, DSc in Philology, Professor, Moscow Pedagogical State University, 1/1 Malaya Pirogovskaya St., 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9001-8236>

E-mail: nv.trofimova@mpgu.su

Received: May 23, 2023

Approved after reviewing: June 26, 2023

Published: September 25, 2023

For citation: Trofimova, N. V. "A. N. Ostrovsky's Work with Ancient Russian Sources in Two Versions of the Drama 'Kozma Zakharyich Minin, Sukhoruk'." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 3, 2023, pp. 274–295. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-274-295>

Пьеса «Козьма Захарыч Минин, Сухорук», названная автором «драматической хроникой», была первой пьесой А. Н. Островского о событиях русской истории. Сценическая судьба произведения оказалась сложной, поскольку первая редакция, завершенная после долгой работы в 1861 г. и получившая одобрение императора и цензора, была запрещена по приказу начальника политической полиции Потапова «вследствие... словесного объяснения с г. министром императорского двора» [Дурылин: 86]. Критика также оценила опубликованную в журнале «Современник» пьесу в основном отрицательно. Рецензенты выражали недовольство растянутостью монологов и отсутствием динамики действия, упрекали драматурга в избытке религиозности, писали об отсутствии полноценных характеров и развернутой картины исторических событий, осуждали якобы умаление роли народа за счет постановки на первый план фигуры Минина. Только П. В. Анненков и А. А. Григорьев выступили с положительной оценкой драмы¹. В то же время почти все признавали блестящий язык произведения. «Плавный, мягкий, звучный, не выписанный из летописей, но созданный под их влиянием и под влиянием нынешнего народного языка, он составляет действительное литературное приобретение», — писал критик «Отечественных записок», в целом отрицательно оценивший драму [Новости русской литературы: 355].

Несмотря на долгие, на протяжении нескольких лет, хлопоты Островского о постановке пьесы, первая редакция так и не была представлена на сцене. В 1866 г. драматург основательно переработал текст, учитывая те упреки, которые были сделаны ему критиками и цензурой. В письмах Островский писал: «Минин является совсем в новом виде, из него выйдет живая и сценичная пьеса» [Островский 11: 227];

¹ Анализ оценок критиков см., например: [Кашин 1912: 185–202]; [Степанова: 565–569]; [Овчинина: 125–129].

«В новом виде хроника обнимает всю деятельность Минина, и публика может видеть на деле, как совершилось спасение Руси» [Островский 11: 231]. Автор развернул любовную линию Поспелова и Марфы Борисовны, превратив ее в своеобразный «любовный треугольник», снял некоторые явления в первом и втором действиях, сократил диалоги и фрагменты монологов Минина и полностью переработал последнюю часть. Вместо эпилога, представлявшего уход Нижегородского ополчения на Москву, возникла сцена вторая действия пятого, передающая события решающего сражения за столицу и возвращения войска в Нижний Новгород. В ней появляются Дмитрий Пожарский как сценический персонаж и другие исторические лица, принимавшие участие в сражениях за Москву. В результате переработки изменились смысловые акценты. В первой редакции главной темой была история создания Нижегородского ополчения, Минин выступал основным действующим лицом. Во второй редакции завершены становятся линии большинства исторических и вымышленных персонажей, что в определенной мере отвлекает внимание от событий и личности главного героя. Переработка сопровождалась изменениями в использовании источников, отчасти названных самим автором, отчасти выявленных исследователями («Новый летописец», «Летопись о многих мятежах», «Акты, собранные археографической комиссией», «Акты исторические», «Хронограф князя Оболенского», «Сказание» Авраамия Палицына, «Книга о чудесах преподобного Сергия» Симона Азарьина, «Повесть о Юлиании Лазаревской», «Повесть о бражнике» и некоторые другие)¹. Отмечая изменения, внесенные драматургом в сценическую редакцию пьесы, исследователи не раскрыли вопрос о том, насколько преобразования коснулись древнерусского материала. Попробуем показать различия двух текстов именно с этой точки зрения.

Т. Л. Скрябина определяет хронику как «литературный жанр, излагающий исторические события в их временной последовательности» [Скрябина:1171]. Работая над первой редакцией, Островский последовательно передавал ход событий, описанных в «Новом летописце», используя упомянутые там имена и факты, лишь иногда прибегая к вымыслу, в том числе на основе других средневековых источников.

¹ Подробный разбор источников дан: [Кашин 1: 153–180]; [Лотман: 297–385]; [Виноградов: 635–642].

Важнейшим способом воспроизведения атмосферы Смутного времени была передача мировоззрения эпохи, понимания сути событий. Важнейшее для христианского мировоззрения представление о праведном высшем суде, настигающем каждого человека, высказывает старый дьяк Семенов в образной форме, присущей древнерусским памятникам:

Судья предстанет, свиток развернут,
Что злые мурины всю жизнь строчили
На всяком месте и во всякий час.
Что делал худо, черный мурин пишет;
Помыслил — не пропустит и того.
Чего-чего в том свитке не найдется!
А добрых дел вот списочек, такой
Коротенький, представит со слезами
Хранитель-ангел и отыдет прочь

[Островский 6: 53].

Эта картина напоминает эсхатологические сочинения Древней Руси, например, рассказ о воздушных мытарствах Феодоры из «Жития Василия Нового». После кончины она увидела себя среди темных бевсов, собиравших ее грехи, а им противостояли двое светлых юношей, собравших добрые дела Феодоры, которые перевесили на чаше весов грехи [Из «Жития Василия Нового»: 498–500].

Летопись отчетливо фиксировала провиденциальный характер восприятия событий Смуты современниками, называя Григория Отрепьева «сосудом дияволу», а волнения в Москве во время правления Василия Шуйского объясняя так: «Врагъ же, ненавидяя добра роду христианскому, вложи на Москве въ люди во многие неверие...» [Новый летописец: 92]. Драматург в первой редакции последовательно передавал ту же мысль через монологи действующих лиц, мотивирующие их действия. Семенов, трактуя нестроения на Руси, объясняет:

А виноват во всем злохитрый враг,
Злокозненный диавол, ненавистник
Спасенья нашего. Он искони
Враждует, искони злоумышляет

Расхитить божье стадо и украсть
 И погубить вконец. Его-то действием
 Междоусобие и рознь меж нами,
 Вражда и ложь и дьявольская прелесть.
 И в прелести смятятся вся земля

[Островский 6: 17].

Провиденциальная точка зрения на возможность освобождения Руси от врагов ярко выражается в размышлениях Козьмы Минина о необходимости всеобщего духовного очищения для победы:

Самих себя сначала приготовить
 Должны мы: помыслы постом очистить,
 Говеньем волю утвердить на подвиг
 И скорому помощнику молиться;
 Он даст нам разум, даст нам силу слова,
 Сухим очам пошлет источник слез;
 Тогда пойдем будить уснувших братий.
 И божьим словом зажигать сердца

[Островский 6: 44].

Монолог связан с рассказом «Нового летописца» о трехдневном посте в Московском государстве в 1612 г., который начался из-за грамоты, неведомо откуда появившейся в московской войске. В ней описывалось видение нижегородцу Григорию, в котором небесные силы предсказывали, что только всенародные покаяние и пост спасут Русь от врагов [Новый летописец: 115].

Эти и другие фрагменты, отражающие средневековые взгляды, исчезли из второй редакции, видимо, в связи с суждением рецензентов о чрезмерной религиозности пьесы.

Из провиденциальных сюжетных элементов в обеих редакциях драмы использованы видение преподобного Сергия Минину с призывом поднимать народ и чудо явления гонцов из Троице-Сергиева монастыря в тот момент, когда Козьма рассказывал о видении горожанам. Совпадение этих двух событий укрепляет героя в мысли о том, что пришло время действовать и именно ему отведена роль Божьего избранника. Видение почерпнуто Островским из «Книги о новояв-

ленных чудесах преподобного Сергия», написанной в середине XVII в. келарем Троице-Сергиева монастыря Симоном Азарьиным [Жизнь и житие Сергия Радонежского: 127], а чудо — вымышленный эпизод. Оба события играют сюжетную роль, поскольку служат Минину непосредственным поводом для обращения к народу с призывом спасти Русь.

Последовательно передавая ход исторических событий, в первой редакции Островский зачастую прибегал к пересказу летописного текста. Например, «Новый летописец» сообщал, что московские бояре-предатели собирались отправить посольство к королю Сигизмунду, чтобы принять на царство его сына королевича Владислава, и пришли за благословением к патриарху Гермогену в темницу. «Онъ же великий государь, поборатель православной христианской вере стояше въ твердости, аки столпъ непоколебимый, и, отвещавъ, рече имъ: “<...> и я такихъ грамотъ <...> и вамъ не благословляю писати, но проклиная, хто такие грамоты учнетъ писати <...>”. Той же изменникъ Михайло Салтыков нача ево праведново позорити и лаяти, и вынявъ на него ножъ, и хотяше ево резати. Он же противъ ево ножа неустрашись и рече ему великимъ гласомъ, осеняше ево крестнымъ знамениемъ, и рече: “сиѣ крестное знамение противъ твоево окаянново ножа; да буди ты проклятъ въ семь веце и въ будущемъ”» [Новый летописец: 106]. Островский передает эти сведения в речи купца Аксенова:

Святого патриарха Ермогена
Михайло Салтыков да вор Андронов
С его вселенского престола свергли
И в тесном заточении томят.
(Тихо.)
Толкуют, что Михайло Салтыков
Ножом на патриарха замахнулся,
И проклят им отныне и до века

[Островский 6: 9–10].

Подобным образом в первой редакции пересказываются многие события Смутного времени. Сказано о гибели Прокопия Ляпунова и о присяге, принесенной Трубецким и Заруцким псковскому самозванцу. О неудаче похода войск во главе с Ляпуновым на Москву с перечисле-

нием всех воевод и сил говорит нижегородский воевода, отказываясь встать во главе ополчения. Все эти эпизоды взяты из летописных текстов [Новый летописец: 112–113, 115] и создают богатый исторический фон, мотивирующий заботу нижегородских жителей о будущем Руси. Во второй редакции эти факты упомянуты вскользь, без детализации.

Некоторые фрагменты в обеих редакциях представляют собой стихотворное переложение летописного текста. Призыв Минина к пожертвованиям для создания ополчения дословно повторяет наиболее важную часть источника (табл. 1):

Таблица 1. Решение о сборе ополчения

Новый летописец	Козьма Захарыч Минин, Сухорук
<p>Единъ же от нихъ Нижегородецъ имѣше торговлю мясную Козьма Мининъ, рекомый Сухорукъ, возопи во всѣ люди: «будетъ намъ похотѣть помочи Московскому государству, ино намъ не пожелѣти животовъ своихъ; да не токмо животовъ своихъ, ино не пожелѣти и дворы свои продавать и жены и дѣти закладывать и бити челомъ, хто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ». Нижегородцемъ же всѣмъ ево слово любо бысть, и задумаша послати бити челомъ къ столнику ко князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому Печерского монастыря архимарита Феодосия, да изо всѣхъ чиновъ всякихъ лутчихъ людей».</p> <p>[Новый летописец: 116]</p>	<p><i>Минин</i> И аще, братья, похотим помочь, Не пожалеем наших достояний! Не пощадим казны и животов! Мы продадим дворы свои и дома! А будет мало: жен, детей заложим! Голоса Заложим жен! Детей своих заложим!... <i>Минин</i> ...Кто воеводой будет? Голоса Князь Дмитрий Михайлович Пожарский!... [Островский 6: 80–81, 351].</p>

Буквально повторяются детали посольства нижегородцев к Дмитрию Пожарскому, о которых рассказывает Поспелов, поскольку они важны для понимания отношения властей Нижнего Новгорода к Минину, значении требования князя выбрать человека ему в помощь и прямого указания на Козьму (табл. 2):

Таблица 2. Посольство нижегородцев к Дмитрию Пожарскому

Новый летописец	Козьма Захарыч Минин, Сухорук
<p>«... архимарить же и всѣ Нижегородцы придоша ко князю Дмитрею Михайловичу и биша ему челомъ со слезами, чтобы къ нимъ ѣхалъ въ Нижней Новѣ городъ и сталъ бы за православную христіанскую вѣру и помочь бы учинилъ Московскому государству. Князь Дмитрей же ихъ совѣту радъ бысть и хотяше ѣхати въ тотъчасъ, да вѣдаша у Нижегородцовъ усердыя и непослушание къ воеводамъ и писаше къ нимъ, чтобъ они выбрали у себя ис посацкихъ людей, кому быть съ нимъ у такова велика дѣла и казну збирати, а съ Кузмою съ Мининымъ бысть у нихъ по слову. Той же архимарить и Нижегородцы говориша князю Дмитрею, что у нихъ такова человекъ во градѣ нѣтъ. Онъ же имъ рече: «есть у васъ Кузьма Минин, той бывалъ человекъ служивой, тому то дело за обычей».</p> <p>[Новый летописец: 116]</p>	<p><i>Князь слезно плакал. Видно, что по сердцу Ему пришел наш земский приговор. «Ступайте в Нижний, говорит, скажите, Что я за веру пострадать готов До самой смерти. Только подобает Между собою из людей посадских Вам выбрать мужа, чтобы вместе быть Нам у великого такого дела, Казну собирать и ратных оделять И все дела нам делать заедино». И стали наши князю говорить: «Не знаем мы такого человека!» <...> А князь им говорит: «У вас Кузьма Захарьев, Сухорук, то дело знает; Он человек бывалый и служилый, Ему такое дело за обычай!</i></p> <p>[Островский 6: 98, 363]</p>

Ряд явлений повествует о том, как Минин добился заключения договора о полном подчинении жителей Нижнего Новгорода требованиям похода. За эту сцену рецензенты первой редакции пьесы осуждали Островского, считая ее неправдоподобной, в то время как она полностью соответствует источнику (табл. 3).

Таблица 3. Договор Минина с нижегородцами

Новый летописец	Козьма Захарьич Минин, Сухорук
<p>«Нижегородцы же тому обрадовашесь и нача Кузме бити челомъ; Кузма же имъ для укрепления отказываше, что не хотя быть у такова дела, они же ему съ прилежаніемъ говоряху. Он же нача у нихъ прошати приговору, что имъ во всемъ быти послушливымъ и покорливымъ во всемъ // и ратнымъ людемъ давати деньги. Они же даша ему приговоръ. Онъ же написа приговоръ, не токмо что у нихъ имати животы, но жены и дѣти продавати, а ратнымъ людемъ давати. И взя у нихъ приговоръ за руками и посла тотъ приговоръ к князю Дмитрею...»</p> <p>[Новый летописец: 116–117].</p>	<p><i>Минин</i> Теперь зовут меня, а я нейду; Я не пойду служить, пока весь Нижний В моих руках не будет поголовно Со всем народом и со всем добром<...> <i>Один из выборных</i> Вели писать, а мы вперед согласны На всякий твой приказ, Кузьма Захарьич<...> <i>Минин (подъячему)</i> Пиши! И быти нам Кузьме послушным И не противится ему ни в чём! На жалованье ратным людям деньги Имать у нас у всех беспрекословно! А не достанет денег, животы; А животов не станет, жен с детьми Имать у нас и отдавать в заклад. <i>(Помолчав)</i> Готово?<...> <i>Голоса</i> Пусть будет так! Прикладывайте руки! <i>(Прикладывают руки).</i></p> <p>[Островский 6: 103, 104–105, 362, 364].</p>

Таким образом, в обеих редакциях сохраняются точные переложения тех фрагментов летописи, которые мотивируют ход важнейших событий и раскрывают образ Минина.

Некоторые исторические факты представлены только в первой редакции. Упоминание летописи о том, что между Мининым и Пожарским «бысть по слову» отражается в явлении 2 действия 5, где Минин рассказывает о поездке к князю еще до посольства нижегородцев.

Особенно детально передан в первоначальной редакции текст источника в рассказе Аксенова о сборе войска из разных городов в Нижний Новгород с упоминанием своеобразного бытового чуда (табл. 4).

Таблица 4. Сбор ополчения в Нижнем Новгороде

Новый летописец	Козьма Захарыч Минин, Сухорук
<p>«на дороге же къ нему приидоша <i>Дорогобужане и Вязмичи</i>... Въ городахъ же слышаху въ Нижнемъ собраниа, ради быша и посылаху къ нему на совѣтъ и многую казну къ нему посылаху и свезоша къ нему изъ городовъ многую казну. Слышаху же въ городѣхъ ратные люди, что въ Нижнемъ збираютца всѣ свободный чинъ, поидоша изъ всѣхъ городовъ. Первое <i>приидоша Коломничи, потомъ Резанцы, потомъ же изъ Украинныхъ городовъ многия люди и казаки и стрѣльцы, кои сидѣли на Москвѣ при царѣ Васильѣ</i>. Они же имъ даваша жалованье. <i>Богу же призрѣвшу на ту рать, и дастъ межъ ими совѣтъ велий и любовь, что отнюдь межъ ими не бяше вражды никакия; кои убо покупаху лошади меньшою ценою, тѣ же лошади побыша мѣсяцъ, тѣ же продавцы не познаху: тако Богу поспоряющу всѣмъ»</i> [Новый летописец: 117].</p>	<p>Вот перво-наперво пришли смоляне, Потом <i>из Доргобужа да из Вязьмы</i>... Потом <i>коломенцы пришли, рязанцы, За ними ополченье из Украйны, Казаки и стрельцы, что при Васильѣ В Москве сидели<...></i> Кузьма кормы и жалованье ратным Сам раздавал. <i>И, божьей благодатью, Так и спорилось все в его руках.</i> Другие нищие пришли, босые, Без одежонки; посмотри теперь! Разбогатели, раскормились живо, Все молодцами смотрят — заглядень! <i>Поверишь ли, коня сегодня купит, Дня через три его и не узнаешь; Хозяин не узнает, хоть божись, Так раздобрееет.</i> Смотрим да дивимся. [Островский 6: 107–108].</p>

Этот рассказ полностью исчез из второй редакции вместе с текстом эпилога. В целом можно сказать, что в поздней редакции уменьшается количество деталей исторических событий, сохраняются только те фрагменты, которые играют существенную роль в развитии действия.

Как и авторы древнерусских произведений, Островский в обеих редакциях цитирует библейские тексты. После совета с властями Нижнего Новгорода, когда Минин жалуется на их безразличие к судьбам Руси, Аксенов произносит 3-й стих 145 псалма: «Не надейтесь на князи!» [Островский 6: 33, 328].

Получив разрешение на обращение к народу, Козьма высказывает надежду на Божью помощь, используя парафраз 1-го стиха псалма 45:

Велик Господь, владыка херувимский!
Прибежище и сила наша в нем!
Его рука дала врагам победу,
Его рука притупит их мечи [Островский 6: 74–75, 347].

Слова Минина, обращающегося к нижегородцам после заключения «приговора» с ними, также содержат библейские образы:

Теперь у Господа молить я буду,
Чтоб даровал мне силу мышц, и мудрость
Змеиную и кротость голубину... [Островский 6: 105, 364].

«Сила мышц» — устойчивое сочетание, в Библии обозначающее могущество Бога (см., например, Лк. 1: 51); посылая на проповедь апостолов, Христос наставлял: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10: 16).

Значительное число цитат исчезает из второй редакции, порой вместе с отдельными сценами или репликами. В разговоре о гибели Ляпунова, которого убили казаки, дьяк Семенов, рассуждая о том, что невозможно поладить с казаками, говорит, цитируя стих 1-й псалма 1:

И по писанию, блажен тот муж,
Кто к нечестивым на совет не ходит [Островский 6: 17].

В разговоре в доме Марфы Тимофеевны о необходимости приготовить себя к проповеди, Минин утверждает силу веры, способной сотворить чудо, ссылаясь на Евангелия (Мф. 17: 20, Мк. 11: 23).

Молись да жди, пока Господь сподобит
Тебя такую веру ощутить
В душе твоей, что ты не усумнишься
С горами речь вести и приказать
Горам сползти с широких оснований

*И двинуться к тебе, и будешь верить,
Что двинутся; тогда покинь свой дом,
Себя забудь и дел своих не делай!* [Островский 6: 44].

Эта аллюзия отсутствует во второй редакции.

Во время обсуждения вопроса о сборе войска для похода к Москве, Минин, отвечая на слова о том, что беды посланы в наказание за грехи и грешно противиться божьей воле, цитирует ряд библейских стихов (Пс. 102: 9, Иез. 33: 11, 1 Цар. 2: 7, Иак. 4: 10), которые отразились и в богослужебных текстах:

Господь не век враждует против нас
И грешнику погибели не хочет.
*Придет пора, молитвой и слезами
Святителей и праведных людей
Разящий гнев господень утолится
И нам, смиренным, снидет благодать.
Господь смиряет и Господь возносит,
Введет в беду и изведет от бед.
Враг одолел, творя его вельенье,
Смирились мы, и нам Господь пошлет
Победу на врага и одоление!* [Островский 6: 70, 343].

Во второй редакции драматург сохраняет из этого монолога первые две и последние три строки, аллюзия к Первой Книге Царств (1 Цар. 2: 7) исчезает вместе с опущенным текстом. При этом логическое рассуждение превращается в вывод, не получивший обоснования в речи героя.

Козьма, горящий о трудностях сборов в поход, на упреки Аксенова в суетной скорби отвечает парафразом 1-й главы Книги Иова (1 Иов. 16–21), утверждая, что личные беды не могут повергнуть его в печаль:

Рассыпья дом и погребь семью,
Возьмись пожар и разнеси по ветру
Все нажитое, до последней нитки, —
Я буду тверд; хвалить и славить Бога
Не перестану; проронить слезу

Сочту грехом. Я наг на свет родился
И наг в могилу лягу [Островский 6: 94].

Но святое дело освобождения Руси от врагов, вянущее, как «цвет сельный» (Пс. 102: 15), приводит его в уныние. Вместе со всей сценой цитаты исчезают из второй редакции.

Таким образом, немаркированные библейские цитаты, вплетенные в речи действующих лиц, помогали, в особенности в первой редакции, выразить мысли и душевное состояние героев, прежде всего Минина, как это было и в древнерусских текстах.

В значительных моментах Островский прибегает еще к одному приему, идущему от средневековых произведений — ретроспективной исторической аналогии. С его помощью утверждается в пьесе мысль о поддержке Божьей правого, выраженная репликой Минина: «Во мнозе Бог! И в мале Бог!» [Островский 6: 75, 347], напоминающей знаменитые слова Александра Невского: «Не в силе Бог, но в правде!» Минин отвечает так на реплику нижегородского воеводы о том, что не удастся собрать большое войско. Сподвижники Козьмы, поддерживая его, приводят примеры из библейской истории:

Аксенов

Давид и мал, да сильного свергает.

Поспелов

Не много храбрых вывел Гедеон.

Минин

Самсон все войско костью побивает.

Аксенов

От гласа труб валится Ерихон [Островский 6: 75, 347].

Эти события священной истории служили обоснованием побед малых войск над огромными силами противника в древнерусских памятниках: например, падение Иерихона, победа Гедеона над мадиамлянами и подвиг Самсона упоминаются в послании митрополита Макария Ивану IV во время похода на Казань в Никоновской летописи [Летописный сборник 13: 193,195], поединок Давида и Голиафа используется как аналогия в Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побище» [Сказание: 64], в «Казанской истории» (вместе с походом Ге-

деона) [Казанская история: 404] и др. средневековых текстах. Вообще приведенные в пьесе образы библейской истории уже в древнерусских памятниках появлялись как устойчивые аналогии современных авторам персонажей и событий, что было замечено исследователем еще в XIX в. [Галахов: 313–314].

Замена во второй редакции эпилога второй сценой пятого действия заставила драматурга вместе с расширением круга событий вывести на сцену персонажей летописи, которых нет в первой редакции. В совместной борьбе против врагов за освобождение Москвы участвуют не только войско Минина и Пожарского, но и казаки, проявляющие порой недовольство и недоверие к пришедшему ополчению. События точно следуют за сообщениями «Нового летописца» в форме драматического действия, в котором ярче проявляются личности и исторических, и вымышленных героев. Дмитрий Пожарский проявляет себя как опытный и разумный полководец, а Козьма Минин своими решительными действиями фактически предопределяет победу ополчения. В этой части герой представлен как второстепенный персонаж, поскольку руководит событиями Дмитрий Пожарский, и только в последнем монологе князь воздает должное Минину.

Возможно, из цензурных соображений упоминается награждение царем Минина. Его сын Нефед по возвращении войска в Нижний Новгород рассказывает матери:

Наш новый царь — пошли ему здоровья,
И счастья, и радости Господь —
Пожаловал отца дворянством думным <...>
Поместье дал ему: село большое,
К нему в придачу восемь деревень
И дом в Кремле, с избой приказной рядом [Островский 6: 385].

Этих сведений не содержит «Новый летописец», равно как и сцены торжественной встречи Минина в Нижнем Новгороде, которой завершается вторая редакция пьесы. Они происходят из других источников, возможно, из статьи П. И. Мельникова-Печерского «Нижний Новгород и Нижегородцы в Смутное время» [Мельников: 30].

Образ Козьмы Минина в обеих редакциях достоверен и полностью почерпнут из исторических источников, но, благодаря более детально-

му воспроизведению первой редакцией поступков и речей героя, содержащихся в «Новом летописце», и использованию библейских цитат, в ней образ психологически более мотивирован и эмоционален, герой представлен как истинный организатор ополчения.

Антагонистом Минина в драме выступает действующий в летописи стряпчий Иван Биркин, присланный в Нижний Новгород Прокопием Ляпуновым, а во время организации ополчения отправленный в Казань для сбора сил. В обеих редакциях он показан через изображение его мыслей и поступков как человек, заботящийся о личной выгоде и возвышении, затевающий в связи с этим распри, что согласуется со сведениями, которые приводит «Новый летописец»: в Казани Биркин вошел в сговор с дьяком Никанором Шульгиным, радующимся «что Москва за Литвою», поскольку хотел «в Казани властвовать» [Новый летописец: 117]. Во время похода казанской рати к Ярославлю Биркин «многую смуту содѣяша: хотяху быти въ начальникахъ» [Новый летописец: 120]. Этот персонаж в пьесе впрямую противостоит патриотической позиции Минина, пытается очернить его перед согражданами, сам замышляя измену.

В характеристиках исторических лиц в первой редакции Островский использует определения, данные древнерусскими памятниками. Так характеризуется внесценический персонаж патриарх Гермоген, представленный в драме, как и в древнерусских памятниках, символом освободительной борьбы:

Он наше *утверждение и столп*,
Он *твердый адамант* в шатанье общем,
Он Златоуст второй, громит бесстрашно
Предателей... [Островский 6: 22].

Приведенные эпитеты содержатся в ряде памятников о Смуте: в «Новом летописце» («Стояще в *твердости, аки столпъ* непоколебимый» [Новый летописец: 106], многократно в «Новой повести о преславном Российском царстве и государстве Московском» («Яко столпъ, непоколебимо стоять», «великии, крѣпкии и непоколебимыи столп, разумныи и твердыи адамантъ», «непоколебимый столпъ самъ крѣпко и непоколебимо во уме своем стоять», «крѣпкии и непоколебимый столпъ», «великий столпъ и тверды адамантъ», «*твердый адамантъ*»,

«великий же онъ столпъ, и твердый адамантъ, и крѣпкий воинъ Христовъ», «О столпъ крѣпкий и непоколебимый!... О твердый адамантъ, о поборникъ непобѣдимы!» [Новая повесть: 158, 160, 162, 166, 168]; в «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства» («Непоколѣбимыи же столпъ благочестия... крепкии твердыи адамантъ») [Плач: 190]. Эта характеристика снята во второй редакции, а о патриархе и его судьбе кратко упоминает Минин в связи с грамотой, присланной в Нижний Новгород Гермогеном. Изображение патриарха в первой редакции вождем сопротивления иноземцам соответствовало представлениям, отразившимся в произведениях Смутного времени, оно подчеркивает значение для нижегородцев грамоты, присланной Гермогеном. Сокращение характеристики этого персонажа во второй редакции ослабляет мотивировку решимости Минина после прочтения патриаршей грамоты отстаивать необходимость создания ополчения.

Эпизодический персонаж стрелецкий сотник Баим Колзаков¹ сам о себе говорит словами героя древнерусской повести: «Аз есмь бражник!» [Островский 6: 22, 308]. Он был хорошим воином, участвовал в защите Руси, но наступившее безвременье довело его до бражничества. При этом как герой древнерусской повести на самом деле человек, помнящий Бога², так и Баим в момент сбора народных средств на ополчение отдает единственное, что у него осталось — серебряный нательный крест, знаменующий собой жизнь и судьбу человека, а затем вместе со всем войском отправляется в поход на Москву. Во второй редакции этот персонаж погибает, смертельно раненный в героической битве против интервентов.

Из вымышленных действующих лиц с древнерусскими источниками связаны юродивый Гриша и молодая вдова Марфа Борисовна. Возможно, имя юродивого происходит из упоминания летописи о видении нижегородцу Григорию, конкретного исторического прототипа его не найдено. В первой редакции ему отведено значительно большее место, чем во второй. Историю Гриши рассказывает Минин в доме Марфы. Судьба Гриши и его поведение в пьесе воспроизводят ряд то-

¹ Баим Колзаков упоминается в «Актах исторических». См.: [Кашин: 157–160].

² См.: [Повесть о бражнике: 419].

посов, свойственных, по мнению Т. Р. Руди, житиям юродивых¹: он появился в городе неизвестно откуда еще ребенком (мотив ухода из дома и странничества), благочестив, ходит по монастырям и в первый раз появляется на сцене после панихиды в монастыре по Прокопию Ляпунову, он собирает «копеечки» «на дорогу», но все их отдает во время сбора средств на ополчение, как другие юродивые отдавали собранную милостыню нищим; он наделен даром пророчества: обещает нижегородцам дальнюю дорогу, в которую отправится много людей, но не объясняет, что это за дорога, то есть говорит «прикровенными словами», а позднее предсказывает ополчению поход к Москве. Как правило, Гриша молчалив, но Минин говорит:

Неразговорчив он; вот разве вспомнит
Про красоту обителей святых,
Тогда разговорится и представит,
Как вочию, и красоту лесов,
И гор, и рек широких. Все бы слушал!
И умный не расскажет так, как он [Островский 6: 39].

Этим рассказом подчеркивается «мотив внутренней (божественной) мудрости», отмеченный в качестве топоса исследовательницей житий юродивых [Руди: 458].

Жена Минина Татьяна Юрьевна, переживая за мужа, высказывает точку зрения на юродивого, отражающую народное суеверие: «Говорят, за кем / Убогий ходит, тот на белом свете / Уж не жилец». На это Марфа Борисовна отвечает: «Кого убогий любит, / Тот человек угоден, значит Богу» [Островский 6: 57]. И эта мысль, свойственная житиям, подтверждается видением Минину преподобного Сергия. В финале пьесы вооруженный Гриша отправляется с войском на Москву, что подчеркивает святость похода нижегородцев.

Во второй редакции нет рассказа Минина об истории юродивого, диалога Татьяны Юрьевны и Марфы Борисовны о нем, сохраняются только сцены пророчеств и приход Гриши с «копеечками» во время сбора средств на ополчение. Роль персонажа заканчивается на предсказании об освобождении Москвы как цели похода, соответственно,

¹ См.: [Руди: 443–484].

исчезают многие смысловые переклички с житиями, а значение образа, вписанного в первой редакции в общую духовную атмосферу Руси эпохи Смуты, уменьшается: фактически Гриша выступает только как человек, предвидящий события.

Образ Марфы Борисовны, молодой вдовы, соотносят с личностью Юлиании Лазаревской. Как и Юлиания, она благочестиво жила в миру, после смерти мужа вела аскетический образ жизни, раздавая нуждающимся все богатства, которые получила в наследство¹. В момент сбора средств на ополчение она отдает все, что было у нее в доме. Марфа Борисовна не выставляет напоказ свое благочестие, старается никого не обидеть, при этом, как и Юлиания, прибегает иногда к благочестивому обману.

В первой редакции раскрывается внутренний мир героини, в душе которой борются чувства молодой женщины, живущей в миру, и желание выполнить обет и уйти в монастырь. Эта борьба передается Марфой в традиционных образах, известных, например, древнерусскому трактату «О бесовском писании» [О бесовском писании: 200]:

Как точно двое за тобой идут:
Один лицо приветливое кажет
И ненаглядную красу и юность
И молча улыбается. Другой же
Темнее ночи, и глаза, как угли,
Горят во лбу, и длинный хвост тащится.
Идет и шепчет льстивым языком
Соблазн и грех... [Островский 6: 49].

В предпоследней сцене первой редакции пьесы, провожая войско, Марфа решает свою судьбу, говоря, что уходит «в келью, прочь от мира». Во второй редакции образ героини, сохраняя черты благочестия, христианского милосердия, приобретает более светский облик. Уклончиво отвечая на сватовство и Лыткина, и Пospelова и объясняя это тем, что никого не желает рассердить, она, по сути, обманывает обоих, но по возвращении войска из похода дает согласие выйти замуж за Пospelова. Счастливый конец любовной линии добавляет

¹ См.: [Житие Юлиании Лазаревской: 108–113].

зрительской привлекательности сюжета, но образ героини теряет цельность.

В отличие от исторических персонажей, вымышленные только чертами характера напоминают древнерусские прототипы, для создания этих образов не применяются прямые аллюзии к конкретным средневековым текстам.

Итак, в двух редакциях пьесы «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» Островский по-разному использовал материал древнерусских произведений. Сначала на первый план выступали исторические события, ход которых был объяснен с позиций провиденциального мировоззрения и представлен с множеством подробностей, взятых из летописи, а личные судьбы и исторических, и вымышленных персонажей, в соответствии с древнерусскими источниками, оказывались на втором плане, поэтому, несмотря на центральное положение и яркую характеристику Козьмы Минина, даже история его жизни заканчивалась уходом ополчения в поход. Эта редакция пьесы оправдывает определение «драматическая хроника».

Во второй редакции акценты переставлены. На первый план выступают личности персонажей. Почти все сюжетные линии приобретают завершенность: ополчение возвращается в Нижний Новгород с победой, Козьма Минин награжден царем, Марфа Борисовна дает согласие на брак Поспелову, а Баим Колзаков погибает героем. Но богатство средств изображения, восходящих к древнерусским источникам, равно как последовательность и подробность изложения исторических фактов, а также мировоззренческая и психологическая мотивированность поступков героев и хода событий, уменьшаются. В связи с этим пьеса превращается в историческую драму.

Поскольку изменения драматург во многом внес вследствие цензурных соображений, основным в современных изданиях считается текст первой редакции. Именно в ней ярко отражается подлинный замысел автора, глубоко проникшего в систему взглядов и приемов, содержащихся в использованных им древнерусских произведениях.

Список литературы
Источники

Житие Юлиании Лазаревской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15: XVII век. СПб.: Наука, 2006. С. 108–117.

Из «Жития Василия Нового». Хождение Феодоры по воздушным мытарствам // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2003. Т. 8. XIV – первая половина XVI века. С. 498–500.

Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 252–509.

Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XIII. 532 с.

Мельников П. Нижний Новгород и Нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки. 1843. Т. 29. Отд. 2. С. 1–32.

Новая повесть о преславном Российском царстве // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 14. Конец XVI – начало XVII века. С. 150–179.

Новости русской литературы. Козьма Захарьевич Минин, Сухорук, новая драма г. Островского // Отечественные записки. 1862. Т. 140. № 1. Январь. С. 355.

Новый летописец // Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XIV. С. 23–154.

О бесовском писании // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. 1–2 / под ред. Н. Костомарова. СПб.: Тип. Кулиша, 1860. С. 200.

Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.

Плач о пленении и конечном разорении Московского государства // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. С. 180–195.

Повесть о бражнике // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 16. XVII век. СПб.: Наука, 2010. С. 419–420.

Сказание о Мамаевом побоище // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982. 420 с.

Исследования

Виноградов А. А. Козьма Захарьич Минин, Сухорук. <Первая редакция.> Комментарий // Островский А. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 18 т. Кострома: Костромаиздат, 2021. Т. 4: Сочинения, 1861–1865. С. 635–642.

Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1880. Т. 1. 517 с.

Дурьлин С. Н. А. Н. Островский. Очерк жизни и творчества. М.; Л.: Искусство, 1949. 188 с.

Кашин Н. П. Этюды об А. Н. Островском: в 2 т. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева и К^о, 1912. Т. 1. 352 с.

Лотман Л. М. Историческая драматургия А. Н. Островского (1861–1865) // Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1976. Т. 6. С. 297–385.

Овчинина И. А. «Минин» А. Н. Островского на перекрестке мнений // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 5. С. 125–129.

Овчинина И. А. Исторические пьесы А. Н. Островского (1861–1865) // *Островский А. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 18 т. Кострома: Костромаиздат, 2021. Т. 4. С. 627–634.*

Степанова Г. Комментарий. Козьма Захарыч Минин, Сухорук // *Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1976. Т. 6. С. 565–569.*

Руди Т. Р. О топике житий юродивых // *Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. Т. 58. С. 443–484.*

Скрябина Т. Л. Хроника // *Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. Стб. 1171.*

References

Vinogradov, A. A. “Koz’ma Zakhar’ich Minin, Sukhoruk. <Pervaia redaktsiia.> Kommentarii” [“Kozma Zakharyich Minin, Sukhoruk. <The First Version.> Comments”]. Ostrovskii, A. N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 18 t. [Complete Works and Letters: in 18 vols]*, vol. 4. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2021, pp. 635–642. (In Russ.)

Galakhov, A. D. *Istoriia russkoi slovesnosti, drevnei i novoi [The History of Russian Literature, Ancient and New]*, vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia Morskogo ministerstva Publ., 1880. 517 p. (In Russ.)

Durylin, S. N. A. N. *Ostrovskii. Ocherk zhizni i tvorchestva [A. N. Ostrovskii. An Essay on His Life and Creativity]*. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1949. 188 p. (In Russ.)

Kashin, N. P. *Etiudy ob A. N. Ostrovskom [Sketches about A. N. Ostrovsky]*, vol. 1. Moscow, Tipografiiia tovarishchestva I. N. Kushnerev i K° Publ., 1912. 352 p. (In Russ.)

Lotman, L. M. “Istoricheskaia dramaturgiia A. N. Ostrovskogo (1861–1865)” [“Historical Dramaturgy of A. N. Ostrovsky”]. Ostrovskii, A. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t. [Complete Works and Letters: in 12 vols.]*, vol. 6. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, pp. 297–385. (In Russ.)

Ovchinina, I. A. “‘Minin’ A. N. Ostrovskogo na perekrestke mnenii” [“‘Minin’ by A. N. Ostrovsky at the Crossroads of Opinions”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*, vol. 22, no. 5, 2016, pp. 125–129. (In Russ.)

Ovchinina, I. A. “Istoricheskie pësy A. N. Ostrovskogo (1861–1865)” [“Historical Plays by A. N. Ostrovsky”]. Ostrovskii, A. N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 18 t. [Complete Works and Letters: in 18 vols.]*, vol. 4. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2021, pp. 627–634. (In Russ.)

Stepanova, G. “Kommentarii. Koz’ma Zakhar’ich Minin, Sukhoruk” [“Comments. Kozma Zakharyich Minin, Sukhoruk”]. Ostrovskii, A. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t. [Complete Works and Letters: in 12 vols.]*, vol. 6. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, pp. 565–569. (In Russ.)

Rudi, T. R. “O topike zhitii iurodivykh” [“About the Topoi of the Holy Fools’ Vitae”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]*, vol. 58. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2007, pp. 443–484. (In Russ.)

Skriabina, T. L. “Khronika” [“Chronicle”]. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]*. Moscow, Intelvak Publ., 2001, col. 1171. (In Russ.)